

**ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
Национальный исследовательский центр
«Мир русской провинции»
ФГБУН «Институт философии РАН»
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»**

**Проблемы российского самосознания:
Максим Горький и русская провинция.
К 150-летию со дня рождения**

По материалам Российской научной конференции
с международным участием (Ярославль) и
XV Всероссийской конференции
Института философии РАН с регионами России (Москва)

Ярославль – Москва
2018

УДК 130.2
ББК 71.0
П 78

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского
Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии РАН

*При поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ) – грант 18–011–20032*

Рецензенты:

Е. Н. Шапинская, доктор философских наук, профессор РГУФКСМиТ;
К. Э. Разлогов, доктор искусствоведения, профессор ВГИК им. С. А. Герасимова

П 78 Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения : по материалам Российской научной конференции с международным участием [Ярославль, 5–7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции Института философии РАН с регионами России [Москва, 31 мая 2018 г.]. – Ярославль – Москва : РИО ЯГПУ, 2018. – 403 с.
ISBN 978-5-00089-262-6

Исследование посвящено поиску ответов на вопрос о том, какое место занимает М. Горький в российском самосознании. Проблема самосознания обсуждена при доминирующем внимании к личности писателя как индикатора и провокатора массового сознания в России его времени. Структура книги отражает дискурсивный подход к проблеме конференции. В первой части «Горький-дискурс» речь идет о Горьком как дискурсе российской (в том числе провинциальной) культурной, социальной, нравственной жизни. Во второй – «Дискурс Горького» – о дискурсивном вчитывании в жизнетворчество и художественные, публицистические и эпистолярные тексты, разнородные свидетельства обо всем, что связано непосредственно с Горьким.

Издание адресовано философам, культурологам, филологам, искусствоведам, историкам, политологам, социологам.

УДК 130.2
ББК 71.0

Редакционная коллегия:

Т. И. Ерохина, доктор культурологии, профессор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, руководитель гранта, председатель оргкомитета конференции; *Т. С. Злотникова*, доктор искусствоведения, профессор, председатель программного комитета конференции; *С. А. Никольский*, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, зам. председателя оргкомитета конференции; *А. В. Еремин*, доктор культурологии, доцент ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, зам. председателя программного комитета конференции.

ISBN 978-5-00089-262-6

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2018

© ФГБУН «Институт философии Российской академии наук», 2018

© ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”», 2018

© Авторы материалов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
ЧАСТЬ 1. ГОРЬКИЙ – ДИСКУРС	5
<i>Закс Л. А.</i> Горький: художественное сознание на перекрестке многих социокультурных «между»	11
<i>Ермолин Е. А.</i> Провинция как метатема жизни и творчества Горького	49
<i>Богатырев Д. К.</i> Максим Горький в серии «Русский Путь: pro et contra»	59
<i>Федюк В. П.</i> Красное и зеленое: российский либерализм в 1917 году	73
<i>Кознова И. Е.</i> Максим Горький: портрет на фоне советской эпохи (по материалам журнала «Огонёк»)	82
<i>Гришин С. Н.</i> Что изменилось бы в судьбе России, если бы мальчика Алексея Пешкова не было?	91
<i>Мурзин Н. Н.</i> Ницшеанство Горького: сверхчеловек между прозой и поэзией	98
<i>Липский В. Н.</i> Рефлексия и полярность как мировоззренческие смыслы национального самосознания (Ф. Достоевский, Н. Трубецкой, Н. Бердяев, М. Горький)	113
<i>Бурлина Е. Я.</i> Историко-культурный очерк как голограмма. Николай Гарин-Михайловский и Яков Тейтель	130
<i>Святославский А. В.</i> Максим Горький в литературной судьбе Михаила Пришвина	145
<i>Кондаков И. В.</i> М. Горький у истоков постмодернизма	160
<i>Летина Н. Н.</i> «Максим Горький» – человек, цитата, хэштег провинциальной ойкумены facebook	170
<i>Ерохина Т. И.</i> М. Горький: культурный герой и память культуры	178
ЧАСТЬ 2. ДИСКУРС ГОРЬКОГО	190
<i>Неретина С. С.</i> Исповедь: динамика и логика жанра	190
<i>Еремин А. В.</i> Русская революция и образы «новой религии» в творчестве А. М. Горького	206

<i>Никольский С. А.</i> Горький и народ. Новое слово в российской традиции «народолюбия» _____	218
<i>Щедрина Т. Г., Пружинин Б. И.</i> Максим Горький – пролетарский писатель? (Писатель в русской интеллектуальной культуре первой половины XX века) _____	230
<i>Новиков М. В., Новикова А. М.</i> Капри Максима Горького _____	241
<i>Сиземская И. Н.</i> Провинция как социально-культурный феномен в творчестве М. Горького _____	250
<i>Лученецкая-Бурдина И. Ю.</i> Анекдотическое и трагическое в русской провинции рубежа XIX–XX веков (на материале цикла очерков М. Горького «По Руси») _____	261
<i>Болдырева Е. М.</i> Философия босячества в раннем творчестве М. Горького _____	274
<i>Кантор В. К.</i> «Челкаш» М. Горького: рождение босяка как победителя русской культуры _____	291
<i>Злотникова Т. С.</i> Провинциальный «театр имени Горького»: институциональное и эстетическое _____	306
<i>Киселева М. С.</i> «Старики» М. Горького: жизнь во времени и время в жизни _____	321
<i>Кузин А. С.</i> «Пустота» и «теснота» – сценические концепты драматургии М. Горького (из опыта интерпретации пьес «На дне» и «Последние») _____	336
<i>Порус В. Н.</i> Тайна Клим Самгина _____	351
<i>Хренов Н. А.</i> Роман М. Горького «Жизнь Клим Самгина» его экранная интерпретация _____	368
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____	401

**«Челкаш» М. Горького: рождение босяка
как победителя русской культуры²⁷**

В статье автор рассматривает творчество Горького сквозь призму героя его раннего рассказа «Челкаш». После этого рассказа слава Горького, как писали современники, превысила даже славу Льва Толстого. Автор считает, что Горький, претендуя на роль «доброе учителя людей», не смог справиться с этой задачей по причине несамостоятельности мысли и духа. Именно вокруг этой проблемы автор статьи строит свое исследование. Проблема самостоятельности писателя рассматривается в статье на основе анализа текстов Горького и с опорой на сообщения ведущих критиков и философов первой половины XX в. Как увидели эти аналитики, Горький сумел вычленил не просто героя, вроде Базарова или сологубовского Передонова, а нашел совершенно новый и явно входящий в жизнь социально-культурный слой, которому суждено было в ближайшем будущем сыграть решающую роль в движении русского социума. Этот слой не имел твердых нравственных ориентиров, поэтому искал сильных людей, которые стали бы выразителями его интересов. Мережковский обозначил этот социальный тип, назвав его «грядущим хамом», антихристианским по своему пафосу. «Челкаши» в октябрьской революции 1917 г. пришли к власти в России. Блок изобразил их в образе двенадцати каторжников-красногвардейцев, желающих строить новый мир, но шедших к нему через разбой и безнаказанные убийства. Горький, по мнению автора, оценивает русскую литературу с точки зрения босяка, отвергнув Достоевского еще в дореволюционных статьях и в результате приняв ленинско-сталинское насилие над Россией. На этом пути Горький стал классиком социалистического реализма, что и привело его к трагическому концу.

Ключевые слова: босяк, крестьянство, Челкаш, Гаврила, грабеж, убийство.

In the article the author considers Gorky's work through the prism of the hero of his early story «Chelkash». After this story, the glory of Gorky, as contemporaries wrote, exceeded even the glory of Leo Tolstoy. The author

²⁷ Исследование частично финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100»

believes that Gorky, pretending to be a «good teacher of people,» could not cope with this task because of the lack of independence of thought and spirit. It is around this problem that the author of the article builds his research. The problem of the author's independence is examined in the article on the basis of Gorky's text analysis and with the support of the leading critics and philosophers of the first half of the twentieth century. As these analysts saw, Gorky managed to isolate not just a hero, like Bazarov or Sologubovsky Peredonov, but found a completely new and clearly entering socio-cultural layer, which was destined in the near future to play a decisive role in the movement of the Russian society. This layer did not have solid moral guidelines, so he was looking for strong people who would become the spokesman for his interests. Merezhkovsky denoted this social type, calling it «the future boor», anti-Christian in its pathos. «Chelkashi» in the October Revolution of 1917 came to power in Russia. The bloc portrayed them in the guise of twelve Red Guards convicts wishing to build a new world, but marched to it through robbery and unpunished murders. Gorky, in the author's opinion, assesses Russian literature from the standpoint of the tramp, rejecting Dostoevsky in pre-revolutionary articles and, as a result, adopting Lenin-Stalinist violence against Russia. On this path, Gorky became a classic of socialist realism, which led him to a tragic end and a sociocultural layer that was clearly entering into life, which was destined in the near future to play a decisive role in the movement of the Russian society. This layer did not have solid moral guidelines, so he was looking for strong people who would become the spokesman for his interests. Merezhkovsky denoted this social type, calling it «the future boor», anti-Christian in its pathos. «Chelkashi» in the October Revolution of 1917 came to power in Russia. The bloc portrayed them in the guise of twelve Red Guards convicts wishing to build a new world, but marched to it through robbery and unpunished murders. Gorky, in the author's opinion, assesses Russian literature from the standpoint of the tramp, rejecting Dostoevsky in pre-revolutionary articles and, as a result, adopting Lenin-Stalinist violence against Russia. On this path, Gorky became a classic of socialist realism, which led him to a tragic end.

Key words: tramp, peasantry, Chelkash, Gavrila, robbery, murder.

Из русских писателей, признанных в мире, Горький, пожалуй, самый загадочный. Кажется, славы было больше у Льва Толстого, но она была, как бы это сказать, другого наполнения, в нем искали глубины и учительства. Горький был по популярности, если можно позволить такое сравнение, предшественником поп-

звезд. У него не учились (хотя сам он мечтал стать учителем), его изучали. Когда пришла поп-слава, а она быстро пришла к «буревестнику», его начали использовать как рупор радикальных идей. Приведу слова Ходасевича, много лет прожившего рядом с Горьким: «О степени его известности во всех частях света можно было составить истинное понятие, только живя с ним вместе. В известности не мог с ним сравниться ни один из русских писателей, которых мне приходилось встречать. Он получал огромное количество писем на всех языках. Где бы он ни появлялся, к нему обращались незнакомцы, выпрашивая автографы. Интервьюеры его осаждали. Газетные корреспонденты снимали комнаты в гостиницах, где он останавливался, и жили по два-три дня, чтобы только увидеть его в саду или за табльдотом. Слава приносила ему много денег» [15, с. 238].

Но он любил несогласных с миром, еретиков, а марксисты, которые очень быстро подмяли Горького, стали требовать от него идей строительства нового мира. Ангажированность Горького очевидна, но я хотел бы понять, как из певца босяков, то есть блатных, он попытался стать учителем России. Сам он творил миф своей жизни. Над этим многие подшучивали. Однако обнаружить, где кончается его реальная жизнь и начинается сотворение мифа, поначалу сложно. Любопытно, что проведя в Европе в общей сложности более 18 лет, Горький при этом не овладел ни одним иностранным языком, в отличие от русских классиков, знавших по нескольку языков. В эти годы в связи с развитием России русский язык стал одним из языков, на котором шли важнейшие для мира сообщения.

Чрезвычайно образованная и писавшая в мужском роде Зинаида Гишпиус дала жесткую характеристику писателю в статье 1907 г.: «О литературе Максима Горького почти нечего говорить. Как я уже сказал – *писатель* Горький для нас давно заслонен *детелем* Горьким. Потерявшие в огне общественных страстей всякое понятие о литературной перспективе, наши критики и читатели привыкли говорить: “Горький и Толстой, Горький и Чехов, Гете и Горький”. Достоевского упоминают реже: не очень верят, что он равен Горькому. Это все, конечно, не важно. Толстой остается со своей Анной Карениной, а Горький с собствен-

ным Фомой Гордеевым, и при том не перестает быть Максимом Горьким, чрезвычайно интересным знаменем своего времени. О писательстве его скажем кратко несколько слов, с которыми согласится каждый спокойный и разумно-культурный человек: писатель, конечно, с большими способностями, даже с талантом; язык небрежен, однообразен, выразителен – в одном тоне; природе Максим Горький чувствует грубо и мало; описывает, придумывая слова, и не заботится о промахах, заставляя героев в один и тот же день собирать яблоки и слушать соловья. Романтизм его и лирика банальны, детски-неумелы, смешноваты. “Старухи Изергили” его нравятся гимназистам и провинциальным студентам-первокурсникам. “Типов” художественных у Горького тоже никаких нет. У лиц его не видно лиц. Все один и тот же Челкаш, или Фома, или Илья, – Челкашо-Фома-Илья, он же “супруг Орлов”. Удачные словечки и сюжетики показывают, что у автора есть наблюдательность. К художественному развитию Горький неспособен: его последние рассказы приблизительно равны первым, если не хуже их» [4].

Но Горький, конечно, не был простым бытописателем, срисовывавшим картинку жизни, хотя основания для такого умозаключения он давал. У него была идея, не энергично-учительская, как у Толстого и Достоевского, не такая мудрая, основанная на преодолении реальности, как у Чехова, его идея, заложенная в первых же текстах, – скорее «бунтовщицкая», а не учительская. Ведь учить бунту нельзя. Горький же не мог вырваться из этой парадигмы. Как написал один из лучших дореволюционных (что важно) толкователей писателя Н. Я. Стечкин (Стародум), автор знаменитого «Русского вестника», опубликовавший в его четырех номерах за 1904 г.: «В Максиме Горьком вижу я деятеля со стремлениями не лучшими, чем стремления беглого каторжника Емельки Пугачева. На лбу Максима Горького я читаю братоубийственную печать Каина, ибо ему любо возбуждать отбросы общества против общества, ему любо видеть, как одурманенные красными словами его, слепцы из членов этого общества сами лезут в босяцкую пасть, сами готовы вложить топор и лом в руки этого босяка» [12, с. 617]. Согласился бы с этим сам Горький? Он ведь считал себя гуманистом, напал на Достоевского за злое

начало «карамазовщины». Он ненавидел русского мужика, обоготворенного Достоевским, написал очень жестокую книгу очерков о русских крестьянах [8], где изобразил этот слой России как сборище страшных монстров. Крестьянину он уже в «Челкаше» противопоставил босяка как героя, можно сказать, положительного по сравнению с жадным Гаврилой, готовым ради денег на убийство.

«Я, разумеется, никогда и никого не звал: “идите в босяки”, – писал Горький в 1910 г., – а любил и люблю людей действующих, активных, кои ценят и украшают жизнь хоть мало, хоть чем-нибудь, хоть мечтою о хорошей жизни. Вообще русский босяк – явление более страшное, чем мне удалось сказать, страшен человек этот прежде всего и главнейше – невозмутимым отчаянием своим, тем, что сам себя отрицает, извергает из жизни» [7, с. 148]. Но именно босячество в сочетании с приписанным Горькому нищестанством до сих пор составляет нерв интереса к нему. Сквозь два этих концепта смотрят на все его тексты от «Челкаша», «На дне» до «Матери» и «Клима Самгина». Как пишет Павел Басинский в своем блестящем романе-исследовании «Горький», Толстой, например, всерьез сердился и ревновал Горького, если тот не отвечал его априорным представлениям о «писателе из народа». Он скоро обнаружил в нем какую-то морально-эстетическую порчу и записал автора «Челкаша» и «На дне» в нищестанцы. А потом его записали в ленинцы.

Вряд ли верно и то, и другое. Смешно сказать, но ответом на эти представления о Горьком может стать его писательская визитная карточка – гениальный рассказ «Челкаш». Я вынужден здесь процитировать Бунина, к его высказыванию о Горьком я еще вернусь, пока же оно обозначит проблематику горьковской новеллы: «Ко времени первой моей встречи с ним слава его шла уже по всей России. Потом она только продолжала расти. Русская интеллигенция сходила от него с ума, и понятно почему. Мало того, что это была пора уже большого подъема русской революционности: в ту пору шла еще страстная борьба между «народниками» и недавно появившимися марксистами, а Горький уничтожал мужика и воспевал “Челкашей” на которых марксисты в своих революционных надеждах и планах ставили та-

кую крупную ставку» [3, с. 109]. Но можно ли увидеть в раннем Горьком попутчика ранних марксистов? Кажется, здесь стоит подумать о другом раскладе интеллектуальных идей конца XIX – начала XX в. в России.

Рассказ «Челкаш», быть может, лучшее из написанного Горьким. Сюжет прост, акценты расставлены с самого начала. С одной стороны, Гаврила, парень от земли, здоровый, но абсолютно без всякой рефлексии и нравственных устоев, мечтающий только о своем хозяйстве, безлюбый, ибо невеста его лишь ход к богатому тестю. И если получит деньги, то пошлет прочь и невесту, и ее отца. Парень был широкоплеч, коренаст, русский, с загорелым и обветренным лицом и с большими голубыми глазами, смотревшими на Челкаша доверчиво и добродушно. Замечу, что фамилии у Гаврилы нет. Очевидно, он еще как лист на дереве, лицо пока не поименованное. С другой – босяк Гришка Челкаш. Человек с именем и фамилией. Для Гаврилы он как бы двоится, но остается в пределах образа хищного персонажа. Сначала он называется «старым травленным волком, хорошо знакомым гаванскому люду, заядлым пьяницей и ловким, смелым вором». Также Челкаш внешне напоминает хищную птицу, степного ястреба. У Челкаша хищная худоба, а также горбатый, хищный нос и прицеливающаяся, зоркая походка, своего рода птица-охотник.

Гаврила, признаваясь в желании убить Челкаша, говорит: «Ведь я что думал? Едем мы сюда... думаю... хвачу я его – тебя – веслом... рраз!.. денежки – себе, его – в море... тебя-то... а? Кто, мол, его хватится? И найдут, не станут допытываться – как да кто. Не такой, мол, он человек, чтоб из-за него шум подымать!.. Ненужный на земле! Кому за него встать?» [5, с. 387]

Насколько реалистичен этот образ? В 1891 г. Максим Горький попал в больницу в Николаеве. Его соседом по койке оказался босяк, поведавший писателю свою историю, которая впоследствии легла в основу рассказа, написанного всего за 2 дня (!) уже в августе 1894 г. в Нижнем Новгороде и тут же отданного В. Короленко. Рассказ, названный «Челкаш», был подписан именем, которое впервые использовал автор в цыганском рассказе «Макар Чудра» – Максим Горький. Он был напечатан в народническом журнале «Русское богатство» в 1895 г. (№ 6) при содей-

ствии В. Г. Короленко, что говорит о магии Горького, ибо рассказ был откровенно антинароднический. В псевдониме Максим Горький, конечно, много показухи. Безусловно, быть Пешковым, сочиняя «Песню о Буревестнике» или «Песню о Соколе», он считал эстетически неверным, это диссонировало с пафосом рассказов. Разве он пешка?

Это стало знаком времени. Потом уже из Придворова появился Бедный, из Петрова – Скиталец, потом из Эпштейна – Голодный. Из Дзюбина – Багрицкий, из Шеймана – Светлов, не дошло до декадентского Луначарского, фамилия которого была почти настоящей: ее дал ему отчим, умудрившийся над могилой сына читать стихи Бальмонта. Начало этим претенциозным маскам положил М. Горький. Правда Андрей Белый и Саша Черный – псевдонимы без претензий. Стоит ли добавлять к этому псевдонимы, которые правили потом десятки лет Советской Россией? А началось все с Горького.

Челкаш является в рассказе как вольный человек: «Он был бос, в старых, вытертых плисовых штанах, без шапки, в грязной ситцевой рубаше с разорванным воротом, открывавшим его сухие и угловатые кости, обтянутые коричневой кожей. По всклокоченным черным с проседью волосам и смятому, острому, хищному лицу было видно, что он только что проснулся. В одном буром усе у него торчала соломина...» Далее: «Длинный, костлявый, немного сутулый, он медленно шагал по камням и, поводя своим горбатым, хищным носом, кидал вокруг себя острые взгляды, поблескивая холодными серыми глазами и высматривая кого-то среди грузчиков. Его бурые усы, густые и длинные, то и дело вздрагивали, как у кота, а заложенные за спину руки потирали одна другую, нервно перекручиваясь длинными, кривыми и цепкими пальцами» [5, с. 360].

Я подчеркиваю слово *вольный*, хотя Челкаш все время говорит о свободе. Проблема соотношения свободы и воли очень важна для русской культуры – об этом писали многие, ибо путаница была очевидна. Разинская вольница в чем-то была равно самодержавному произволу, не знавшему юридических преград своим хотениям. Но свобода для Челкаша иное название воли, он не видит в них разницы. А воля не знает свободы другого, сво-

бода ограничивает человека, отстаивая его личность, не уничтожая других. Горький впервые в русской литературе позволил интеллектуальное прославление разбойничьей воли. Его Челкаш, конечно, сильнее крестьянина Гаврилы. Но почему? Одна из очевидных причин, что из своего представления о воле он вычеркнул понятие Бога. Бог дает свободу, но и ответственность, как писал Достоевский. Воля вне нравственных норм. Это увидел Мережковский: «Босяк ненавидит народ, потому что народ – крестьянство – все еще бессознательное христианство, пока старое, слепое, темное – религия Бога, только Бога, без человечества, но с возможностью путей и к новому христианству, зрячему, светлому – к сознательной религии Богочеловечества. Последняя же сущность босячества – антихристианство...» [10, с. 53] А вера в Бога требовала борьбы за нее. Проще было от нее отказаться. Любовь Горького к Ницше в России не случайна.

С этого момента, с «Челкаша», «Коновалова», «Песни о Соколе», «Песни о Буревестнике», слава Горького росла не по дням, а буквально по часам: «Успех у Горького, – пишет Философов, вторя Гишпиус, – был совершенно особенный. Такого раболепного преклонения, такой сумасшедшей моды, такой безмерной лесты не видали ни Толстой, ни Чехов. Горький был герой дня, “любимец публики”, нечто вроде модного оперного певца, который в течение коротких лет кружит голову своим поклонникам и затем, потеряв голос, сходит со сцены, погружаясь в забвение. Увлечение Горьким психологически понятно, легко объяснимо. Слишком вовремя появился он, слишком глубокие струны задел, чтобы не встретить отклика во всей новой России, которая только начинает просыпаться. Широкой публике казалось, что дарование Горького неисчерпаемо, что развитию его нет пределов, и она подстегивала Горького, щекотала его самолюбие, делала его своим кумиром. Она не давала ему возможности сосредоточиться, оглянуться, понять самого себя, меру своих сил, характер своего дарования. Драма “На дне” была высшая точка творчества Горького; после нее начинается падение. По всей Европе, можно сказать, по всему земному шару, распространяются произведения Горького, даже самые неудачные, и весь мир видит, как писатель все ниже и ниже падает, как он ле-

жит почти “на дне” невероятной банальности и претенциозной риторики» [14, с. 94–95].

Когда-то моя бабушка, кончавшая гимназию, влюбленная, как и положено гимназистке, а потом революционерке, в Горького, вспоминала, как молодежь и «старшие» относились к Горькому. Иронически пересказывала она «тупые» по ее определению слова учителя словесности, который говорил о Горьком, что тот «поставил на пьедестал босяка и им восхищается». Босяк воспринимался молодыми революционерами как прирожденный бунтарь против власти. Попав в тюрьму, она с другими заключенными устроила побег уголовнику, который потом продолжил грабить и убивать, а она с досадой говорила: «Мол, ошибка вышла».

В словаре блатного сленга дается определение: босяк – это блатной пацан, кичащийся тем, что не ценит гроши, у него по жизни то деньги есть, то денег нет, и раньше босяками называли всех воров. Как помним по новелле Горького, это как раз психология Челкаша. Вспомним птичий ряд Горького, коим он восхищается – охотничьими бойцовыми птицами (например, «Песнь о Соколе»). Вот и здесь: «Даже и здесь, среди сотен таких же, как он, резких босяцких фигур, он сразу обращал на себя внимание своим сходством со степным ястребом, своей хищной худобой и этой прицеливающейся походкой, плавной и покойной с виду, но внутренне возбужденной и зоркой, как лёт той хищной птицы, которую он напоминал» [5, с. 360].

Обычно критики осуждают следом за писателем жадного крестьянина Гаврилу. Достоевский плохо знал крестьян, хотя сделал из них символ правды, культ нравственности. Он любил бедную интеллигенцию, то есть вроде бы тех же босяков, бедных, но рефлектирующих. Босяк хотя и не богат, но противопоставлен «Бедным людям» Достоевского. Более того, Горький именно в босяках увидел новый отряд русской интеллигенции, людей другого интеллектуального уровня, независимого от власти. Как писал Горький в знаменитом рассказе «Коновалов»: «А он испытывал удовольствие, бичуя себя; именно удовольствием блестели его глаза, когда он звучным баритоном кричал мне: – Каждый человек сам себе хозяин, и никто в том не повинен, ежели я подлец! В устах

культурного человека такие речи не удивили бы меня, ибо еще нет такой болячки, которую нельзя было бы найти в сложном и спутанном психическом организме, именуемом “интеллигент”. Но в устах босяка, – хотя он тоже интеллигент среди обиженных судьбой, голых, голодных и злых полулюдей, полужверей, наполняющих грязные трущобы городов, – из уст босяка странно было слышать эти речи» [6, с. 21–22].

В чем же дело? Горький не выдумал свое учение, он был наблюдатель и сопереживатель, но он не был простой зарисовщик быта... В лучших своих вещах он очень идеологичен. Надо вспомнить эпоху. Еще продолжалось народничество, хотя ощущался его закат. К народу отношение писателей менялось. У нас обычно пишут, что народничество сменил марксизм, и Горький стал его адептом. Но, как мы знаем, Маркса будущий пролетарский писатель не читал, с Лениным и его работами он познакомился лишь в 1905 году. А призыв Ленина «грабь награбленное» прозвучал лишь в Октябрьский переворот. О «Нечаевском презрении к народу» уже из опыта XX в. писал Федор Степун: «Надо ли доказывать, что следов бакунинской страсти к разрушению и фашистских теорий Ткачева и Нечаева можно искать только в программе и тактике большевизма» [10, с. 635]. И тут мы от марксизма, ленинизма, даже от нищезанятия приходим к внутренней борьбе в русской мысли. Нам известно, что Горький читал «Бесы» Достоевского, роман, построенный на полемике с Нечаевым, с его «Катехизисом революционера». Текст Нечаева обсуждался в русской прессе, пока обсуждались «Бесы», а длилось это переживание романа Достоевского долго. Горький успел о нем высказаться, даже дважды, обругав Федора Михайловича.

Необходимо, однако, привести несколько строк из нечаевского (1869 г.) «Катехизиса»: «Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гвардейского мира и против кулака мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным ре-

волюционером в России» [6, с. 247–248]. В те же годы, и Бакунин, который и выдвинул идею разбойника, как главного субъекта революции, писал: «Приближаются годовщины Стеньки Разина и Пугачева. Надо будет отпраздновать память народных бойцов... Все должны готовиться к пиру...» [2, с. 218].

Характерен рассказ о восприятии босяком, галахом, Коноваловым истории Степана Разина: «- Хочешь про Стеньку Разина? – Про Стеньку? Хорошо? – Очень хорошо... – Тащи! И вскоре я уже читал ему Костомарова: «Бунт Стеньки Разина». Сначала талантливая монография, почти эпическая поэма, не понравилась моему бородатому слушателю. – А почему тут разговоров нет? – спросил он, заглядывая в книгу. И, когда я объяснил – почему, он даже зевнул и хотел скрыть зевок, но это ему не удалось, и он сконфуженно и виновато заявил мне: – Читай – ничего! Это я так... Но по мере того, как историк рисовал кистью художника фигуру Степана Тимофеевича и «князь волжской вольницы» выростал со страниц книги, Коновалов перерождался. Ранее скучный и равнодушный, с глазами, затуманенными ленивой дремотой, – он, постепенно и незаметно для меня, предстал предо мной в поразительно новом виде. Сидя на ларе против меня и обняв свои колени руками, он положил на них подбородок так, что его борода закрыла ему ноги, и смотрел на меня жадными, странно горевшими глазами из-под сурово нахмуренных бровей. В нем не было ни одной черточки той детской наивности, которой он удивлял меня, и все то простое, женственно мягкое, что так шло к его голубым, добрым глазам, – теперь потемневшим и суженным, – исчезло куда-то. Нечто львиное, огневое было в его сжатой в ком мускулов фигуре. Я замолчал. – Читай, – тихо, но внушительно сказал он. – Ты что? – Читай! – повторил он, и в тоне его вместе с просьбой звучало раздражение. Я продолжал, изредка поглядывая на него, и видел, что он все более разгорается. Он него исходило что-то возбуждавшее и опьянявшее меня – какой-то горячий туман. И вот я дошел до того, как поймали Стеньку. – Поймали! – крикнул Коновалов. Боль, обида, гнев звучали в этом возгласе. У него выступил пот на лбу и глаза странно расширились. Он соскочил с ларя, высокий и возбужденный, остановился против меня, положил мне руку на плечо и

громко, торопливо заговорил: – Погоди! Не читай... Скажи, что теперь будет? Нет, стой, не говори! Казнят его? А? Читай скорей, Максим! Можно было думать, что именно Коновалов, а не Фролка – родной брат Разину. Казалось, что какие-то узы крови, неразрывные, не остывшие за три столетия, до сей поры связывают этого босяка со Стенькой и босяк со всей силой живого, крепкого тела, со всей страстью тоскующего без “точки” духа чувствует боль и гнев пойманного триста лет тому назад вольного сокола» [6, с. 23–24].

В этом контексте стоит подчеркнуть отличие горьковского босяка от привычных всем «бедных людей». Сошлюсь опять на Стечкина: «Читатели привыкли смотреть вниз. Они уже забыли, что сверху льются лучи, и искали огоньков внизу. Таким огоньком, все более и более разгорающимся, оказался “босяк” Горького... Если бы Горький вывел своего босяка, испрашивая к нему сострадания, если бы он “милость к падшим призывал”, он, при всей яркости своей кисти, при всем изучении описываемой среды, не имел бы того успеха, каким он пользуется ныне. Если бы Горький говорил о праве “босяка” на место среди людей, под условием его нравственного возрождения, его не стали бы слушать. Тогда поняли бы, что этот новый босяк есть тот самый, от века существующий нищий, которому каждый из нас подавал копейки, тот самый, кого за бродяжничество мы судим и водворяем на место жительства. Этот “тот самый” босяк не интересен. Он так неопрятен, так дурно пахнут его лохмотья, так он некрасив, с бойными знаками на своем лице. Мы, конечно, по-человечески жалеем его и заботимся несколько о нем. Но что же в нем заманчивого?

Горький поступил иначе. Он снабдил “босяка” гордостью. Он ничего для него не просит, “босяк” сам требует места, и не последнего. Чтобы не быть голословными, мы подтвердим это далее словами самого Горького. Его босяк не угнетен. Ему не надо сострадания. Он бросает вызов самому небу, не говоря уже о вызове обществу, государству, власти, жизненному укладу. “Босяк” – не пролетарий, стремящийся стать собственником. “Босяк”, презрительно, ни к чему не стремится. У него уже есть самое ценное: сознание своей очевидной независимости от всех

требований и оков общественности, нравственности, религии» [11, с. 69–470].

Горький с самого начала своей деятельности самый ангажированный писатель, встраивающийся в идейные течения конца XIX в. Челкаш – это элегантный удар по народничеству, но не с позиций Ницше, а с точки зрения радикалов нечаевско-ткачевско-бакунинского толка. От них идет воспевание разбойничества. Это, может быть, Ницше, но из популярных брошюр. Когда победили большевики, Горький начал искать свою идеологию у большевиков. Это началось еще в Лондоне и на Капри. Сошлось на Алданова: «Я думаю, что влияние Ленина сыграло решающую роль во всей жизни Максима Горького. “Великий революционный писатель”, как под конец его дней его называли в СССР, был по природе слабохарактерным человеком. Вдобавок ему как большинству русских самоучек была присуща погоня за “самым передовым”, за “самым левым”. На своем колеблющемся жизненном пути он в 1907 году в Лондоне встретил очень сильную личность. Ленин возглавлял левое, большевистское крыло самой левой партии, – чего же можно было желать лучше!» [1, с. 425]

Возлюбленная Горького баронесса Будберг предложила ему после смерти Ленина написать очерк о вожде большевиков, апеллируя к большим гонорарам, которые он за него получит. Это был мостик, по которому после «Несвоевременных мыслей», где изображалось варварство революции, можно было попасть в большевистский стан.

Стоит заметить, что босяки все же изображены Горьким в приподнятом шиллеровском духе – как носители благородства. И до поры до времени интеллигентская публика ему верила, поскольку символы (Сокол, Буревестник) Горький относил к низшему отряду полубразованных людей, то есть босяков. Прощедший все круги каторжного ада писатель Варлам Шаламов, имея уже опыт страшной революции, где верховодили эти самые босяки, написал: «Казалось бы, биографическая сторона творчества Горького должна бы дать ему повод для правдивого, критического показа блатных. Челкаш – несомненный блатарь. Но этот вор-рецидивист изображен в рассказе с той же принудительной и

лживой верностью, как и герои “Отверженных”. Гаврилу, конечно, можно толковать не только как символ крестьянской души. Он ученик уркагана Челкаша. Пусть случайный, но обязательный <...> В Челкаше Горький, сталкивавшийся с блатным миром в юности, лишь отдал дань тому малограмотному восхищению перед кажущейся свободой суждения и смелостью поведения этой социальной группы <...> Он также не знал этого мира, не сталкивался, по-видимому, с по-настоящему блатными, ибо это, вообще говоря, затруднительно для писателя. Блатной мир – это закрытый, хотя и не очень законспирированный орден, и посторонних для обучения и наблюдения туда не пускают. Ни с Горьким-бродягой, ни с Горьким-писателем никакой блатной по душам не разговорится, ибо Горький для него прежде всего – фразер» [16].

Задача Челкашей развратить, растлить и без того нетвердую нравственную основу крестьянской души (см.: «Деревня» Бунина, «В овраге» Чехова). Гаврила пробивает голову Челкаша камнем, растравленный его легкостью грабежа, потом кается, а Челкаш суров: «Уйди ты!.. уйди к дьяволу! – вдруг крикнул Челкаш и сел на песок. Лицо у него было бледное, злое, глаза мутны и закрывались, точно он сильно хотел спать. – Чего тебе еще? Сделал свое дело... иди! Пошел!» То есть, убивая убивай: «Гнус!.. И блудить-то не умеешь!.. – презрительно крикнул Челкаш» [5, с. 388]. Этот посыл одним из первых почувствовал А. С. Суворин, в начале сентября 1902 г. посетивший Чехова в Ялте, где они говорили о творчестве Горького: «Он <Чехов> удивлялся, что Горького считают за границей предводителем социализма. “Не социализма, а революции”, – заметил я. Чехов этого не понимал. Я, напротив, понимаю. В его повестях везде слышится протест и бодрость. Его босяки как будто говорят: “Мы чувствуем в себе огромную силу и мы победим”» [13, с. 353].

Любопытно, что завершение горьковской темы Челкашей прозвучало в поэме Блока «Двенадцать». Двенадцать каторжников – двенадцать апостолов нового мира – «без имени святого», без Христа:

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни,
Кругом огни, огни, огни.
В зубах цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!
Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!

Бубновый туз, нашитый на спину, – знак каторжника. Мимоходом двенадцать каторжников-челкашей убивают Катюку – возлюбленную одного из двенадцати. Убить женщину – первый признак разбойника; вспомним Карла Моора, убившего Амалию, или Стеньку Разина, утопившего персидскую княжну. Челкаши стали властью.

Потом писатель Горький дружил с Ягодой и другими чекистами. Он был обласкан большевиками, но, как написал Алданов о Горьком, «между тем самое имя его, в связи с разными событиями революции, тогда вызывало ужас и отвращение почти у всей интеллигенции» [1, с. 425].

Учителем людей он стать так и не сумел, а его сказы о птицах быстро прибрала к рукам власть, которой он вдруг стал преданно служить. Впрочем, это не вина его, а беда.

Библиографический список

1. Алданов, М. А. Воспоминания о Максиме Горьком [Текст] // Армагеддон. – М. : ИНТЕЛВАК, 2006. – С. 420–428.
2. Бакунин, М. А. Постановка революционного вопроса [Текст] // Революционный радикализм в России. Век девятнадцатый. – М. : Археографический центр, 1997. – С. 214–218.
3. Бунин, И. А. Горький [Текст] // Максим Горький: pro et contra / вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. – СПб. : РХГИ, 1997. – С. 109–116.
4. Гиппиус, Зинаида. Выбор мешка. Углекислота [Электронный ресурс]. – URL: <http://gippius.com/doc/articles/vybor-meshka.html> (дата обращения: 08.05.2018).
5. Горький, М. Челкаш [Текст] // Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 1. – М. : Гослитиздат, 1955. – С. 358–390.

6. Горький, М. Коновалов [Текст] // Горький М. Собр. соч. : в 30-ти томах. Т. 3. – М. : Гослитиздат, 1955. – С. 5–54.
7. Горький, М. Письмо П. Х. Максиму 10 [25] декабря 1910 [Текст] // Собр. соч. : в 30-ти томах. Т. 29. – М. : Гослитиздат, 1955. – С. 147–148.
8. Горький, М. О русском крестьянстве [Текст]. – Берлин : Изд-во И. П. Ладыжникова, 1922.
9. <Катехизис революционера> Отношение революционера к самому себе [Текст] // Революционный радикализм в России. Век девятнадцатый. – М. : Археографический центр, 1997. – С. 244–248.
10. Мережковский, Д. С. Чехов и Горький [Текст] // Грядущий хам. – М. : Республика, 2004. – С. 40–75.
11. Степун, Ф. А. «Бесы» и большевистская революция [Текст] // Сочинения. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 627–642.
12. Стечкин, Н. Я. Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества [Текст] // Максим Горький: pro et contra / вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. – СПб. : РХГИ, 1997. – С. 461–617.
13. Суворин, А. С. Дневник [Текст]. – М. : Новости, 1992. – С. 353.
14. Философов, Д. В. Конец Горького [Текст] // Критические статьи и заметки 1899–1916. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 94–115.
15. Ходасевич, В. Ф. Горький [Текст] // Перед зеркалом. – М. : ОЛМА–ПРЕСС, 2002. – С. 227–253.
16. Шаламов, Варлам. Об одной ошибке художественной литературы [Электронный ресурс]. – URL: <https://shalamov.ru/library/6/2.html> (дата обращения: 08.05.2018).

Т. С. Злотникова

Провинциальный «театр имени Горького»: институциональное и эстетическое

В статье высказывается предположение о том, что понятие «театр имени Горького» следует рассматривать как своего рода историко-культурную метафору, значение которой существенно коррелируется прилагательным *провинциальный*. Институциональное в понятии о провинциальном «театре имени Горького» определено социально-культурной традицией тоталитарного государства, в котором на протяжении большей части XX в. имя Горького носило множество театров, причем для многих из них автор был не источником творческого вдохновения, а формально значимым «патроном». Эстетическое примени-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богатырев Дмитрий Кириллович – доктор философских наук, профессор, ректор ЧОУ «Русская христианская гуманитарная академия» (г. Санкт-Петербург).

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (г. Ярославль).

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» (г. Самара).

Гришин Сергей Николаевич – кандидат философских наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского», настоятель храма прп. Серафима Саровского (г. Липецк).

Еремин Александр Владимирович – доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, начальник отдела научных исследований ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (г. Ярославль).

Ермолин Евгений Анатольевич – доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (г. Ярославль).

Ерохина Татьяна Иосифовна – доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт» (г. Ярославль).

Закс Лев Абрамович – доктор философских наук, профессор, ректор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (г. Ярославль).

Кантор Владимир Карлович – доктор философских наук, заведующий Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога, ординарный профессор ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”» (г. Москва).

Киселева Марина Сергеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт философии РАН» (г. Москва).

Кознова Ирина Евгеньевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт философии РАН» (г. Москва).

Кондаков Игорь Вадимович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (г. Москва).

Кузин Александр Сергеевич – народный артист РФ, кандидат педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт» (г. Ярославль).

Летина Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (г. Ярославль).

Липский Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии ФГБОУ ВО «Академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (г. Москва).

Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (г. Ярославль).

Мурзин Николай Николаевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук ФГБУН «Институт философии РАН» (г. Москва).

Неретина Светлана Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт философии РАН» (г. Москва).

Никольский Сергей Анатольевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник – руководитель сектора философии культуры ФГБУН «Институт философии РАН» (г. Москва).

Новиков Михаил Васильевич – доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (г. Ярославль).

Новикова Анна Михайловна – журналист (г. Неаполь).

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”» (г. Москва).

Пружинин Борис Исаевич – доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии» (г. Москва).

Святославский Алексей Владимирович – доктор культурологии, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (г. Москва).

Сиземская Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт философии РАН» (г. Москва).

Федюк Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова» (г. Ярославль).

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания» (г. Москва).

Щедрина Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (г. Москва).

Научное издание

**Проблемы российского самосознания: Максим Горький
и русская провинция. К 150-летию со дня рождения**

По материалам Российской научной конференции с международным участием
[Ярославль, 5–7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции
Института философии РАН с регионами России [Москва, 31 мая 2018 г.]

*Фотография на обложке из журнала «Огонёк» (1928 г.).
Фотография любезно предоставлена авторами
одной из статей сборника – Т. Г. Щедриной и Б. И. Пружининым.*

Редактор *Ж. К. Гапонова*
Компьютерная верстка *Ж. К. Гапоновой*
Технический редактор выпускных сведений *С. А. Сосновцева*

Подписано в печать 25.06.2018. Формат 60×90/16.
Объем 25,25 п. л., 20,5 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Заказ №

Редакционно-издательский отдел
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Отпечатано в типографии
ИД «Канцлер» (ООО «Канцлер»)
150008, г. Ярославль, ул. Клубная, 4–49
Телефон: (4852)58–76–33